

Леонид Колос

Итальянский карандаш

18+

Леонид Львович Колос

Итальянский карандаш

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42282828

SelfPub; 2019

Аннотация

Случай может кардинально изменить течение жизни человека. А может ли случай переменить характер человека? Как поступит человек, если, например, найдет клад? Это зависит от размера клада или от человека? Герой этого рассказа, студент технического института до поры, до времени понятия не имел, о таком понятии, как «итальянский карандаш». Не знал, что это своеобразная техника рисунка. Случай свел его с этим понятием. Но заставил ли его случай изменить взгляды на жизнь?

Андрей Александрович давно не получал писем. Редко кто сейчас посылает письма. Даже на Новый год ленятся писать письма в конвертах, а звонят по мобильнику. А тут пришло письмо. Пришло в начале января, словно запоздавшее новогоднее поздравительное. Но открытки в конверте не прощупывалось. И без штампов на конверте, не из организации. С обратным адресом. Адрес и обратный адрес написаны от руки. Письмо из Москвы.

«Уважаемый Андрей Александрович. Вам пишет Пирогов Андрей Александрович. Моя мать, Шабрина Нина Ивановна, болея, просила меня написать Вам. Она хотела вернуть Вам одну вещь, которая Вам принадлежала. К сожалению, мне потребовалось время, чтобы найти Ваш адрес. Пытался связаться с теми, чьи телефоны были у мамы. Нашел Ваш адрес через Владимира Ивановича Рогова. Вы его должны помнить. Он учился с мамой и с Вами в институте. Пока он выяснил ваш новый адрес, мама умерла. Но так как она просила, чтобы я нашел Вас, я должен исполнить ее волю. Я надеюсь, что адрес правильный и письмо попадет к Вам. Если Вы ответите, и я буду уверен, что адрес правильный, я перешлю вам то, о чем мама говорила.

С уважением. А.Пирогов»

Так получилось, что та глухомань, куда Андрея занесло после института, засосала его всерьез и надолго. В Москве он

оказывался редкими наездами и чаще всего проездом. Точнее проездом с одного аэропорта в другой. Пару раз, все-таки, созванивался с Роговым, а о Шабриной и вовсе позабыл. И не знал о ней ничегошеньки. А потом понемногу и с Роговым переписка разладилась. Но вот отыскивали. Новости, касающиеся далекого прошлого, обычно печальны. Вот, пожалуйста, Нинка умерла. Правда, ощущения потери эта новость не принесла. Но все равно неприятно. Нинку он знал, можно сказать, поскольку – постольку. И даже представить ее не мог иной, как видел последний раз на пятом курсе: честно говоря, не такой привлекательной, чтобы запомнить ее образ на годы. И уж вовсе он вообразить не мог, какие его вещи у нее сохранились. Что за ценности, чтобы она их за столько лет не выбросила? В те годы, какие у них, студенческой голи перекатной, вообще могли быть ценности?

Последняя сессия позади. Суровая чередка лекций и семинаров, зачетов и экзаменов, наконец, канула в прошлое. Но скоро канет в прошлое и веселая чехарда всякого рода совместных посиделок. И вот группа собралась, кажется, в последний раз в полном составе, как на занятиях. Точнее, абсолютно полным составом, как и на занятиях не случилось. Такие дела, как назначение тем диплома и кураторов не пропускают даже последние лентяи. Мероприятие проходило в сухом бюрократическом духе. Зав кафедрой, еще более уныло, чем читал лекции, зачитывал темы дипломов и

представлял кураторов, словно некролог по группе зачитывал. Называл имя студента. Названный вставал. Потом называлась тема и куратор. Некоторые из кураторов были незнакомые, с предприятий и НИИ. Куратор вставал, бросал короткий взгляд на того, на кого ему указал жребий, взгляд парикмахера, когда клиент садится в кресло. Студент смотрел на куратора. Есть контакт! Зав кафедрой зачитывает новую пару. Проходило уныло и закончилось неожиданно быстро. Зав кафедрой не произнес ни слова напутствия. Видно, торопился куда-нибудь. Вчерашние студенты, вышли из аудитории с чувством незавершенности. Распадалась, как картонный домик, связь времен, связь пяти институтских лет. Спускались с четвертого этажа кафедры к центральной проходной института неторопливо, словно похоронная процессия, словно что-то важное потеряли тут, за какой-то дверью. Словно рады были бы хоть какой-нибудь пустячной причине, чтобы ненадолго задержаться. Бывают в жизни минуты роковые. Вот такая роковая минута и пришла. Каждый понимал: больше группу вместе не собрать.

– С одной стороны, за что боролись, на то и напоролись, – сказал Лорьян. Теперь каждый пойдет своим путем. Так ведь сказал Володя Ульянов своей маме.

– Только без пошлостей, он сказал не каждый пойдет своим путем, а мы пойдем другим путем. А это разные вещи. Не надо передергивать, – уточнила Полина Гринблат.

– Хорошо, приведем другое сравнение. Из легкой атлети-

ки. Первый курс – это стометровка. Все бегут кучно и резко. Второй – двухсотметровка. И так далее. А диплом – это забег на ориентирование. Ориентир – диплом. Каждый теперь пойдет к диплому собственным путем. С собственным куратором и собственной темой. Ни лекций, ни семинаров. Только случайные встречи на пересечении тропинок. Как в ориентировании,

Спустились к самому входу, важному и торжественному, как расставание навсегда.

– Что же мы, под мертвое молчание институтских стен покинем альма-матер? Вы чувствуете, в воздухе витает вопрос? – не унимался Лорьян, – Неужели сейчас выйдем на улицу и расстанемся. Возможно, навсегда.

– Ну почему же навсегда, ты еще в общежитии успеешь своей болтовней надоесть, – сказала Полина.

Когда они вышли на улицу, и их ослепило яркое, почти весеннее солнце последних дней февраля, вопрос, который и в темных коридорах института толкался, как младенец в утробе, стал настойчиво требовать разрешения. Решать нужно было быстро. Или городской транспорт стаей стервятников, раскромсает группу, навсегда разорвет по частям. И ответ родился. Радостный весенний свет открыл выпускникам глаза: такое дело нужно отметить.

Погода стояла соответствующая. Прекрасные февральские окна. Почти март. Небольшой нежный, ласковый ми-

нус. Облакам уже не хватало силы укрыть солнце. Настроение стало прекрасным. И прояснилась перспектива: найти заведение, где можно приземлиться, чтобы отметить.

И даже москвичи, записные штрейкбрехеры, которые, как правило, к групповым торжествам подключались крайне прохладно, а их в группе к выпуску перевалило за половину, не нарушали равенства в строю. Решили сразу ехать в центр. Полным составом загрузились в троллейбус. Вопрос денег был решен просто. Гончаров, который жил в центре, заскочил домой и выпросил у родителей ориентировочную сумму с тем, чтобы потом ему вернули.

Но их нигде не ждали. Накрыть с бухты-барухты стол на восемнадцать человек, да еще студентов, которые ведь не закажут, как приличные люди? Во всех кафе, им отвечали одинаково: имеется указание, столов не сдвигать. Даже в ресторане, что вышло бы им дороже, ответили, что банкеты только по предварительной заявке.

В конце концов, они добрались до «Метелицы» на новом Арбате. «Метелица» – не забегаловка. Модное кафе. Подзоровой там даже случалось бывать. И она сказала со знанием дела, что «Метелица» вполне подойдет. Ужин комплексный: плати десятку на входе и ешь то, что на столе. Не очень дешево, но не убийственно. Зато культурно. Траты по случаю выхода на диплом вполне обоснованные. Желаеть чего-нибудь эксклюзивного? Пожалуйста, в буфете, за дополнительную плату. Естественно, приносить с собой категорически

запрещено.

В этот раз там столовались туристические группы из соц-стран. То есть после напряженного экскурсионного дня их свозили на ужин в «Метелицу». Студентам повезло. Какая-то группа то ли не прилетела, то ли объявила голодовку. И их неожиданно легко согласились усадить за вакантным столом. Длинный стол уже заждался, как груженный корабль у причала. Три бутылки шампанского, виселись как мачты. И накрыто вполне прилично.

Тут и обнаружился раскол. Долгополов, заявил, что три бутылки шампанского это слезы, как слону дробина. Это для народной демократии – выпивка, а русскому насмешка. И некоторые склонялись на его сторону. Но комсомольский актив в лице Полины Гринблат сопротивлялся

– Я, например, и сама не против выпить, – сказала Полина, комсорг группы, – Но мы в официальном учреждении. Вокруг представители дружественных стран. Тут тебе не общага с шабринской горилкой.

Полина имела в виду ту самогонку, которую привозила с каникул Нина Шабрина.

–А что в ней плохого, – заступился за самогонку Лорьян, уже склонявшийся на сторону Долгополова, – Русский национальный напиток. Фирма веников не вяжет. Стерильно.

– Пили пять лет. Хвалили. А теперь не так? – оскорбилась Нина, – Мой дедушка пьет, и здоров. А ему за восемьдесят.

–Нет, я не против, в теоретическом плане, – Полина, чувствуя, что чаша весов склоняется не в ее сторону, пошла на попятную, – Хотя, напомним, что русский национальный напиток это квас. Я бы и сама выпила добавочную дозу, только не в этом месте. Тут рискованно. Тут на входе дружинники. Заметят бутылки – не оберешься неприятностей.

–Кто не рискует, тому остается квасить шампанское, – улыбнулся в ответ Лорьян.

–А кто не хочет пить, насильно вливать не будем. Больше останется. У нас демократия, – Долгополов считал, что этим ставит точку в дискуссии.

Было решено, что группа пошлет интендантов. Но среди них должны быть девочки. В женских сумках можно пронести бутылки. А мужику с бутылкой в кармане мимо дружинников не пройти. Поднялся вопрос о возможных кандидатах. Конечно, дружинники не дети. Если они сейчас спустятся в гардероб, оденутся, предупредят дружинников, что через пять минут вернутся, чтобы их впустили назад, то те сразу сообразят: поперли за водкой. Будут смотреть, как на рентгене. И попробуй потом им объясни. Могут и конфисковать бутылки. И не возразишь. Но риск – благородное дело. Не станут же они по сумочкам шманать. А сумочки, в свою очередь, должны быть вместительными и плотными, чтобы выпуклости бутылки не проступали. Объемистая Полина имела соответствующую фигуре вместительную сумку, но на коллектив плюнула: идти за водкой отказалась. В

результате добровольцами вызвались тот же Долгополов и Шабрина. Но одной ее сумочки мало. Присоединилась Ирка Милова. Правда, она, миниатюрная, и сумочку имела дюймовочную. Одна бутылка и та себя выдаст. Но с паршивой овцы хоть шерсти клок. Одну бутылку пронесет. Милова и Андрея уговорила.

Первый этап был прост. Суровые охранники их выпустили. Они в ближайшем магазине затарились. Нинка – уложила две бутылки в сумочку. Милова – одну. Долгополов еще купил две маленьких плоских. Сунул себе во внутренний карман пиджака и Андрею дал. На обратном пути чуть не случилось несчастье. Нинка поскользнулась. Бутылки трагически звякнули. Хорошо, что оказавшийся рядом Андрей, вовремя ее подхватил. И бутылки были спасены. С замиранием сердца Нинка раскрыла сумочку. Все в порядке. После этого она весь путь до кафе виновато молчала, крепко держась за Андрея. Хмурые охранники их пропустили.

Наливать водку и пить нужно было резво. Официантки, шаستاющие по залу, могли застукать. Подзорова уже поднялась с места для тоста, как Литвинова заартачилась: она принципиально не станет пить. Даже шампанское. Даже за окончание института. В результате, из-за таких вот принципиальных, Суворов надорвался. Это обнаружилось, когда сидевшая рядом с ним Танька Бирюкова, встала и перегнулась через стол с вилкой, подставив под нос Суворову крутое бед-

ро. И потерявший тормоза Суворов хлопнул ее по месту, за-слонившему от него тарелку. Так, наотмашь, обычно кида-ют на кон козырного туза. А бедро Бирюковой было достой-но козырного туза. Чистая виолончель. И звук пошел такой смачный, что сидевшие за соседним столом венгерские, по мнению Подзоровой, туристы средних лет заахали, залопо-тали что-то по-иностранныму. Не то, чтобы с одобрением, но и не с осуждением, а скорее с удивлением. От сдержанных русских такого не ожидали.

– Суворов, тебе достаточно, – нахмурилась Полина

Она встала из-за стола, словно учитель, разозленный ша-ловливым учеником. Но подошла не к Суворову, а к Андрею, потребовав, чтобы Андрей отвел Суворова в туалет. В про-филактических целях. Чтобы Суворова тут не вырвало.

Андрей не обрадовался такому заданию. Нетвердо стоя-щего на ногах Суворова пришлось бы вести вниз по лестни-це. Полина и выбрала Андрея. Он покрепче. Удержит. Но Андрея дружинники запомнили. И могли сделать свои вы-воды. Но говорят, сам погибай, а товарища выручай. Если Суворова развезет прямо за столом, кому будет хорошо?

Когда под занавес очистительно-сантехнических проце-дур, Суворов ополаскивал рот и лицо, он на стенке у рако-вины заметил лаконичную надпись: «Сосу. Таня» и номер телефона. И эта надпись ввела его в такое элегическое на-строение, что он возжелал непременно записать номер. Но

писать в тот момент было нечем. И едва вернувшись к столу, он сразу стал требовать бумагу и ручку. Словно его в туалете муза посетила. Но Полина потребовала, чтобы он сел. Встать он уже не мог. И Андрею пришлось, отправиться в туалет, чтобы Суворов успокоился. Писать было неудобно. Салфетка, которую он взял, рвалась. И тогда, закатав рукав рубахи, Андрей записал номер на руке, а вернувшись, подошел к Суворову и показал запись, слегка засучив рукав.

– Что там? – спросила Шабрина.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – ответил Андрей.

Нинка не удовольствовалась таким ответом. Она подкралась к Андрею сзади, и, поймав его руку, попыталась силой добраться до метки. Андрей не давался. А музыка играла. И противоборство естественным путем перешло в танец.

Когда танец закончился, Андрей, не отпуская, придерживал Нинку за талию. Это означало, что он предлагает ей новый танец, не отходя к столу. И во время нового танца, держа ее в объятиях, он ощутил, как ему показалось, встречный импульс. Она раскачивалась в ритм танго так сильно, что Андрею приходилось придерживать ее. Он сжал ее крепче, а она в ответ обвила его шею руками. Наступил, как называл Лорьян, бархатный сезон, время, когда созревают последние поздние фрукты. Если изъясняться языком Лорьяна, Нинка казалась Андрею фруктом кисловатым. Но тот же Лорьян утверждал, что нет в природе кислых фруктов. Есть поспеш-

но сорванные. Все фрукты в свое время набирают и глюкозу, и витамины. И сейчас было ясно, что Нинка, по крайней мере, дозревает до кондиции. И еще неизвестно, какую сладость может подарить.

Лорьян, наблюдательный аналитик, говорил, что созревая, Нинка, как яблоко, наливается таким цветом, что конопущки на лице становятся почти незаметны. До сего вечера Андрей не вдавался в колористические детали. Но приглушенный свет кафе делает человека зорче. Человек всматривается и замечает, чего прежде среди бела дня не замечал. Например, что Нинка вполне даже ничего себе.

Они танцевали пять танцев подряд. А потом в зале поморгали светом, и гнусавый голос из динамика сообщил, что вечер закончился. Но и пять танцев один за другим – это количество, переходящее в качество. Теперь, чтобы качество реализовать, нужно быстро взять у нее ее номерок и рвануть вниз по лестнице в гардероб. И незаметно слинять вместе с Нинкой.

Все было сыграно как по нотам. Нинка без вопросов молниеносно сунула ему в руку свой номерок. Андрею помогало и то, что дисциплинированные туристы из стран народной демократии еще не сообразили что алес капут, и не неслись, как угорелые, за своими шубами. А когда ему подали его пальто и ее шубу, сообразительная Нинка уже стояла рядом. В шубе она смотрелась импозантнее. Белая шубка, синие кашне и выбивающиеся из-под шапочки рыжие волосы

– зимняя симфония.

Они ушли в темноту по-английски. Похолодало. Ветерок мел вдоль бордюров. Если тащиться до метро, ветром все праздничное настроение выдует. В такой знаменательный вечер, при такой суровой погоде, такую фартовую даму, пусть рыжую, не стремно прокатить в такси. Но хватит ли денег? Почти все его карманные запасы поглотила «Метелица». Все зависело от того, где Нинка живет. В начале прошлого семестра она съехала из общаги, и, говорили, снимала комнату где-то в районе института. Объясняла тем, что можно сосредоточиться на учебе. Но поговаривали, что всему причина ее трагический общаговский роман на четвертом курсе, под конец которого ее Ромео бессовестно завел себе другую, тут же, в общаге, у Нинки на глазах. И она такого унижения не стерпела.

Но время лечит. У ящерицы отрастает новый хвост, у змей появляется новая шкура. И у людей раны заживают. И судя по Нинкиным горящим глазам, ее рана зарубцевалась.

Всему прогрессивному человечеству известно знаменитое гагаринское «поехали». Такси тронулось. Но Андрей сидел рядом с водителем, сосредоточен и молчалив. Он производил в уме математико-географические вычисления. Нинка назвала водителю адрес. Черт знает, какой переулок, о каком Андрей и не слыхивал. Хватит ли денег? Но судя по тому, что водитель сразу тронул, не требуя разъяснений, как

ехать, он знал, куда. А это значит, не на окраинах Москвы. И, следовательно, денег хватит.

Андрей следил за маршрутом. Поехали в сторону Курского, то есть, согласно ожиданиям, в район института. Когда она сразу за Курским пошла неторопливо петлять закоулками, у Андрея отлегло от сердца. Денег хватит! И теперь сердце заполнила Нинка.

Он расплачивался с таксистом, думая о том, на что она готова. Не девочка, должна понимать, что метро вот-вот закроется, и раз он отпускает такси, значит, где-то тут намерен провести ночь. И если она молчит, не советует ему ехать в общагу, и только глазками стреляет, значит все на мази. Конечно, он рисковал. Если она вдруг заявит, что он ее не так понял, – а такая вероятность не исключается, – то с его остатком денег, при отсутствии общественного транспорта, ему до общаги не добраться. Только что на Курском ждать до утра.

Выйдя из машины, Андрей, огляделся. Вокруг незнакомый темный квартал. Невысокие дома. Заметенный снегом медвежий угол. Черно – белая картина: серые дома, черные окна и белый снег. И на этом фоне карие Нинкины глаза, выбившиеся из-под шапки, огненные даже ночью локоны и синее кашне сулили яркую палитру страсти.

Нинка смотрела на него и улыбалась. Он притянул Нинку и поцеловал. Она, сомкнув рыжие ресницы, не сопротивлялась ни поцелуям, ни прощупыванию. Он же, одновременно

пытался прощупать местность. Он уже приметил далеко в темноте колокольню. Именно ее видно от центрального корпуса института, от той самой остановки, где родилась сегодня идея отметить. Сейчас в темноте трудно оценить, но раз видит колокольню, не заплутает, в любом случае.

Нинка кочевряжилась примерно столько, на сколько он и загадывал. Он без возражений выслушал, что она наивно полагала, что он не такой наглый, поспешит в метро, а если он такой наглый, то в любом случае, все это должно происходить не просто так, а должно быть все-таки родство душ, этакое единение, нечто возвышенное. Он не подстегивал события. Теперь на метро торопиться нечего. Как в химической лаборатории, он ждал, когда пузырьки газа отбулькают, муть сядет в осадок. Нинка либо подмерзла, либо посчитала, что время, взятое на увертюру, истекло. Она вдруг призналась, что бабка хоть и вредная, но немного глуховатая.

И затем прозвучала инструкция. Нинка указала на небольшой двухэтажный дом, выглядевший так неприглядно, что ему и следовало иметь плохонькие комнатки с бабками – мегерами. На первом этаже явно располагалось что-то нежилое. Второй этаж с зарешеченными окнами вообще походил на тюрьму. Там, за решеткой, Нинка снимала комнату. Она указала на довольно массивный и высокий каменный забор, примыкающий прямо к дому. По ту сторону забора и вдоль дома под окнами второго этажа идет навес. Отсюда не видно. Андрею следует залезть на забор, и, пригнув-

шись, чтобы соседи не засекали, осторожно пройти по навесу до ее окна. Очень осторожно. Соседи нервные, чуткие, боятся воров. А кроме нервных жильцов за забором собаки. Там какой-то склад. Ее окно третье от угла, у нее решетка отодвигается. Он пролезет. Короче, бабка запирается на ночь, придется ее будить, и нужно подождать, пока она снова захрапит. Во-он с того места виден край ее окна. Нина подаст условный знак, как в кафе, поморгает светом. И тогда вперед.

Андрей ступал осторожно. Кавалер, пробирающийся к девушке по крыше, должен делать такие же верные движения, как рыцарь, карабкающийся к даме сердца по веревочной лестнице, как хирург, делающий операцию на сердце. А Андрей занервничал, заторопился, и снег под ним поехал. Если бы он соскальзывал, как с ледяной горки, была бы возможность притормозить. А он съезжал вместе со снежной шапкой, так сказать в подвижной системе координат, беспомощный, как младенец.

Он спикировал на большой высокий ящик. Снег, его подвижная система координат, сработал и как подушка, и как смазка. Пробив доски ящика ногами, Андрей пролетел в середину ящика и оказался прижатым к внушительному металлическому агрегату. Попытка освободиться отозвалась болью в ноге и руке. Прибежали три псины. Пленник в ящике был недосягаем для них. Щели между досками были ши-

роки, но собаки туда не лезли, стерегли у ящика и равнодушно смотрели на него. Через минут пять издали донеслось ворчание.

Андрей замерзал, прижатый к холодной жесткой железяке. Будь он поудачливее, грелся бы в постели упругой и горячей Нинки. В первый момент он разозлился именно на нее. А на кого еще? Он еще раз поставил не пострадавшую ногу на выступ железяки, и поднялся на полметра вверх. И все. Выбраться вверх не получалось. Отдавить боковую доску не получалось. Прибиты насмерть. Все что он видел, собаки и лес ящиков.

Слышала ли Нинка, как он грохнулся? Снег сгладил звуки. Может быть, она стоит у окна и ждет. Из ящика ее окно не просматривалось, заслонял навес. А даже, если она услышала, как он грохнулся, чем она поможет? Ринется, что ли, его вызволять? Так недолго околеть. Скоро послышалось ворчание и покашливание, и Андрей услышал голос.

– Ну и что мы тут делаем? – в проходе между ящиками возник мужчина, который, судя по всему, был сторожем.

Он, не торопясь, с удивлением рассматривал место происшествия: ящик и незваного пришельца. Но, как видно, объяснения, как внутри ящика оказался человек, не находил. Андрей, рассчитывая на человеческое сострадание, жалобно простонал. Сторож не без опаски подошел к ящику, потрогал доски, проверил, как прибиты, сравнивая зазор между досками с габаритами непрошенного визитера.

– Ты по-русски то – понимаешь?

– Ну, – сказал Андрей.

– Что ну? Понимаешь? Или шпрехен зи дойч?

– Понимаю.

– Может, ты диверсант. Реваншист. Кто тебя знает.

– Никакой я не реваншист. Вы мне поможете отсюда выбраться?

– А как ты сюда залез, так и вылазь. А я посмотрю. Очень мне любопытно, как это у тебя получилось.

– Да я случайно сюда попал.

– С неба что ли? А где тогда парашют? – мужчина внимательно изучал шапку снега, упавшую в просвет между ящиками. Но ответа не нашел.

– Какой еще парашют?

– Об-на-ко-венный! Табельный. Какой вам, диверсантам выдают.

– Вы что думаете, я на парашюте спустился? – усмехнулся Андрей.

– А на чем. На летучей тарелке? Необученный человек так в ящик не пролезет. Ну, ты подожди. За милицией уже поехали. Вот завернут тебе руки, тогда и поговорим. Они и разберутся, кто ты и как в секретный ящик забрался.

Сторож ушел. Собаки остались стеречь. Андрей остался мерзнуть. Прошло немало, когда сторож вернулся с монтировкой.

Молча, походил вокруг ящика, примерился, отжал и раз-

вел две доски. Андрей кое-как выбрался. Сторож, держа монтировку наготове, вел ковыляющего пленника перед собой. Собаки бежали рядом.

Андрей мог оглядеться. Все пространство, огороженное высоким забором, когда-то было церковным двором. Оказывается, кроме той колокольни, которую он постоянно видел вдаль, выходя из института, имелся еще и церковный двор. Сохранившиеся церковные постройки, окаймляющие двор, были превращены в склад.

Пространство самой церкви тоже заполняли ящики, только размером поменьше, и, наверное, полегче. Такие, что их можно было, поднатужась, сюда затащить руками. Зал был неплохо освещен. В церкви было едва теплее, чем на улице. Сторож привел Андрея к достаточно уютному закутку среди ящиков, где располагалось нечто похожее на топчан. Рядом стоял старый ободраный двухтумбовый канцелярский стол, на столе журналы, и немного разномастной посуды.

– Ну, считай, что прибыл, – сказал сторож, – Будем знакомиться. Юрий Леонидыч, меня зовут. А тебя как?

– Андрей.

– Паспорт имеется?

– Студенческий устроит?

Обыск происходил почти в самом центре бывшего церковного зала. С купола строго взирали Иисус, богородица и прочие члены божественного клира. Сторож, удовлетворившийся студбилетом, вытянул из-под топчана бутылку и плес-

нул в стакан.

– Выпей для сугрева, а то окоченеешь, – от неожиданно крепкого, злого зелья. Андрей поперхнулся и закашлялся.

– Не в то горло пошло, – деловито констатировал сторож, – Кто же на вдохе пьет? На вдохе только жидкости проникнуть мешаешь. На паузе нужно пить. Пауза! Понял? То же мне. В секретный контейнер залезть соображения хватило, а как пить не соображаешь, – он подошел к Андрею сбоку, выждал момент, резко ударил его меж лопаток и внимательно наблюдал за реакцией. Андрей продолжал кашлять. Сторож приложился еще раз. Крепче, – Что ж ты, брат, так хил? -

Андрей поднял руку с выставленной ладонью, призывая сторожа остановиться. Второй рукой резко на выдохе надавил себе у пупка, повторил так пару раз. И дыхание вошло в норму.

– Это что за фокус? – удивился Леонидыч.

– Между прочим, когда человек поперхнулся, его лучше не по спине дубасить, а при выдохе резко нажать у пупка.

– Ишь, ты! Это кто так советует? Небось, американцы?

– Представьте себе. Я где-то прочитал, американцы так делают.

– У них все ниже пупка. А русский человек бьет меж лопаток.

– Ну а как быть, если ты один? Сам себя со спины не ударишь. Об стенку, что ли биться? – подковырнул сторожа Ан-

дрей.

– А русский человек не пьет в одиночку.

– А вы-то один пьете?

– Я не пью, а греюсь. Есть разница. И уж я, не бойся, не закашляюсь. И греюсь не один. Напарник мой побежал милицию для тебя вызывать. А уж если бы мой напарник тебя по спине хлопнул, ты бы, дружок, не встал. Выпить для согрева не грех. Видишь тут ящики деревянные. Если греться «козлом», пожар накликаешь. А жидкостью безопасно. Только своим организмом рискую, ради пользы государства. Понял?

– Жила бы стана родная, и нету других забот.

– Ишь, ты! Чему вас там учат. Ушлые черти.

– Да я свой, – сказал Андрей.

– Все вы свои. Меня не зря поставили технику охранять. Меня не проведешь. Техника, между прочим, секретная. Тут, представляешь, на сколько тысяч!? – сторож указал Андрею на табуретку, сел на топчан и вытянул из-под журналов, лежащих на столе, колоду карт, – Садись, в ногах правды нет. Сейчас проверим, какой ты свой. У вас там иностранные чарлистоны или как их. А в дурака слабо?

– Запросто, – сказал Андрей.

– Ну, перекинемся. Проверим, как тебя научили

Андрей пару раз поддался. У Леонидыча поднялось настроение.

– Русского человека таким, как ты, в дурака не обыграть. Заруби на носу. Мы тут, бывает, со сменщиком перекинемся.

– Ну и кто кого? – спросил Андрей.

– Я его.

– Так он не русский?

– Это почему?

– Сами говорите, русский выигрывает, а нерусский проигрывает.

Леонидыч помолчал, пытаясь понять объяснение Андрея. Не понял и сказал.

– Ты мне мозги не пудри. Русский он. Талантливый паренек. Художник. Он мне такую картинку подарил. Вот эту самую церковь и нарисовал, как живую, правда, без ящиков.

Снова раскинули карты. Снова Андрей проигрывал, надеясь раздобрить Леонидыча. Есть ли еще надежда распрощаться с ним, и повторить попытку, пробраться к Нинке? Он уж будет аккуратнее. Коварная снежная шапка с навеса уже съехала и на втором заходе он не поскользнется. Да только Нинка, поди, уже десятый сон видит. Станешь ей в окно стучать – всех перебудишь. Он решил, что лучше перекаптоваться до утра в этой церкви.

Он почувствовал, как кто-то несильно, но часто, молотит его по спине, словно это печатная машинка, и, проснувшись, обнаружил, что спал в церкви, на досках и картонках. А те частые похлопывания по спине – это собака, лежавшая рядом, вычесывала блох. Но не собака разбудила его. Прямо

над собой он увидел удивленные глаза девушки, в шубке, в вязанной белой шапочке. Андрей спал, не снимая своего зимнего пальто, и вид у него был, наверное, еще тот, потому что девушка, не скрывая изумления, следила, как он, с трудом поднимается. Леонидыч посапывал на своем законном месте. Собаки крутились рядом и, судя по тому, как они ластились к девушке, она тут была своей.

– Вы кто? – спросила девушка.

– Да так, – ответил Андрей.

– Так? – с сомнением произнесла девушка и стала будить Леонидыча.

– А-а, Танюша, – зевнул Леонидыч.

– Я вам блинчиков принесла. А это кто?

– А это, мне молодца занесло. Прямо с неба свалился. Ангел – не ангел, шпион – не шпион. Божится, что студент. И даже документ при себе имеет. Танюша погляди ему ногу, – и объяснил Андрею, – Она в больнице работает медсестрой.

– Только быстро, – согласилась Таня, – Я опаздываю, – Ого гематомка! – произнесла она, когда Андрей закатал штанину, – А ну снимите ботинок. Пальцами шевелить можете? – Андрей пошевелил. Девушка прощупала ему голено-стоп, – Так не больно? А так? Ходить можете?

– Да вроде.

– По моему, до свадьбы заживет. Хотя на рентген сходить не мешало бы. А что с рукой? – Андрей снял пальто, пиджак и поднял рукав левой руки, – А это что? – спросила девушка.

Андрей вспомнил, как переписал себе на руку настенную туалетную надпись: номер телефона и имя – Таня. Он тогда выводил тщательно и густо синей шариковой ручкой. Конечно, совсем об этом забыл. Девушка быстренько прощупала его руку, заставила подвигать рукой, пошевелить пальцами, и, вынеся диагноз, аналогичный диагнозу ноги, сказала, что торопится и убегает.

– Это соседки дочка, – объяснил Леонидыч, когда девушка ушла, – Я человек одинокий, ну, соседке помогаю. Прибить там чего. Она тоже одинокая, мне помогает. Стряпает. А захвораешь – Танюшка вылечит. Она чистый врач. Взаимопомощь.

– Комплексная бригада, – усмехнулся Андрей.

– В общем, вот так. Вот ее Танюха мне завтраки приносит. Мы живем тут рядышком. Хорошая девчонка, – он замолчал на мгновение и, увидев, что Андрей никак не отреагировал, повторил, – Я говорю, хорошая девчонка.

– Хорошая, хорошая, – пробормотал Андрей. Не о том он думал. К Нинке ходу теперь нет. Можно уже почапать домой? Но после такой веселой ночи он не выспался.

– Да если ее прибрать, одеть, как следует, – продолжал Леонидыч, – Она твоих студенток за пояс заткнет. Другое дело, ей одеться не на что. Богатства не нажили. А девушка она, если присмотреться, ладная. С нее даже картины писали.

– В каком смысле? – удивился Андрей. Ничего такого, что вызвало бы желание писать с нее картины, он в девушке не обнаружил.

– В самом прямом. Ты ее просто не разглядел. А разглядишь – влюбишься. И еще спасибо скажешь, – Леонидыч, не получив ответа, сменил тему, – Вот что, у меня есть знакомый. Он спецмазь имеет для летчиков – испытателей. Заживает твоя щека, как на собаке. Летчику – испытателю ведь иногда приходится культивироваться где-нибудь в тайге, и чего-нибудь повредить.

– Как культивироваться? Спросил Андрей

– Как Мересьев.

– Катапультироваться?

– Ну вот. Сейчас позавтракаем, я за мазью сбегая. Тут недалеко. Посидишь вместо меня полчаса? Как бы отработаешь завтрак и лечение, – Леонидыч развернул тормозок, – Подсаживайся, студент. Танюха эти блинчики сама готовила. Сейчас и варенье достанем.

Леонидыч ушел, собаки улеглись на досках. Андрей доковылял до крыльца. Уже светло. Где-то за забором, за домами уже жил своей напряженной жизнью город. А тут, на занесенном снегом церковном дворе холод и тишина. Как зимнее кладбище. С крыльца видно то место на крыше, откуда он вчера дряпнулся, можно сказать, сыграл в ящик. И хотя трассу его слалома припорошило свежим снежком, но, если

присмотреться, заметно. Может быть, уже остыла Нинкина постель. Он попробовал попасть ей в окно снежком. Непросто. Снежки разбивались о решетку. Услышала ли она? Дома ли? Окно не давало ответа.

Теперь на Андрея легла охрана склада. В ожидании Леонидыча, он нашел в тумбе стола старые «Крокодилы» и «Огоньки», и возлег на место сторожа, просматривая журналы. Не дочитал, заснул.

Проснулся в пятом часу вечера. Ушедший на часик Леонидыч до сих пор не объявился. Только собаки бегали рядом. Нинкино окно, третье от угла, темнело. Ушла куда? Навяждение вечера в «Метелице» испарилось. Но, все же, любопытно, что она делает? Главное, близок локоть да не укусишь, рукой подать, а через бабку не пройти. И бросить пост совесть не позволяла. Хотелось есть. Из съестного нашел в ящичке стола кусок сала, луковицу, кусок хлеба. Все это съел. И снова прилег.

– Эй, товарищ, – услышал он и открыл глаза, – А где Юрий Леонидович? – спросил мужчина, должно быть напарник Леонидыча. Андрей проспал его приход.

– Он ушел, меня попросил посторожить.

– Вот как? А ты кто такой?

– Знакомый его.

– Знакомый? Тут ничего не произошло? – пришедший, невысокий, худой мужчина средних лет, с иисусовой бород-

кой, и волосами по плечи, рассматривал Андрея, словно тот инопланетянин.

– А что должно произойти? – пожал плечами Андрей.

– Чем же вы тут, дорогой товарищ, занимались, если Леонидыч исчез, а у тебя все лицо ошкарябано. Звать то тебя как?

– Андрей, – уже ученый, Андрей протянул студенческий.

– А-а, студент. Смотри ты, какие у Леонидыча знакомства, среди учащейся молодежи. Ну ладно, студент, считай, отстоял. Можешь гулять. Твой знакомый уже не придет. Его время вышло. Я его сменщик.

Комната в общежитии была пуста. Рогов, сосед Андрея, куда-то ушел. Перед тем как помыться и привести себя в порядок, Андрей переписал с руки на листок номер телефона и имя, – Таня, – и уже отдыхал, когда зашла Полина Гринблат.

– Ого, как отметился, – покачала головой Полина.

– Неудачное падение, – такое объяснение было, по сути, правдой.

– До кровати не долетел? – усмехнулась Полина, – Или это Ниночка так сопротивлялась? – с недоумением до кровати Полина была близка к истине. Но самое неприятное – их вчерашний незаметный побег был замечен.

– Это я неудачно поскользнулся, – Андрей снова говорил правду. Полина с сомнением покачала головой.

– Очень неудачно ты поскользнулся, – выпяченные тол-

стые губы обозначали полное Полинино недоверие, – Как раз перед женским праздником. Будешь теперь светить в праздник ободранной физиономией, – тут ее взгляд упал на листок с номером, который Андрей записал для Суворова, – Ага вот и ответ, на ком ты поскользнулся – Таня. Молодец Таня. Хорошо приложилась.

Полина устремила взгляд в окно, как будто там был нарисован портрет этой Тани. На самом деле Полина, как ЭВМ прокручивала в уме возможные кандидатуры: раз есть номер телефона, значит москвичка. Но мгновенно Тань-москвичек, готовых с легкой душой дать свой номер, и потом оставивших такие отметины Полина в своей картотеке не нашла. Андрей воспользовался этой паузой.

– Ты собственно, по какому поводу? – спросил он.

– Я собственно, по поводу Восьмого марта. На вас с Роговым рассчитывать?

– Рассчитывай, – твердо заявил Андрей.

– Второй вопрос: из москвичей будет Барашкин. Вы его у себя пристроите? У вас же свободная кровать есть.

– Пристроим, куда денешься, – вздохнул Андрей.

Если гульки затягивались надолго, Барашкин оставался в общаге. Он находил приют то в комнате Шевченко и Суворова, то в комнате Андрея и Рогова.

– И главный вопрос, – Полина сделала многозначительную паузу, – Нина приезжала.

– Ну, приезжала, и что? – пожал плечами Андрей.

– Интересовалась, как ты добрался. Боялась за тебя. Ночь, снег, метро, небось, закрыто. Хотела узнать, как ты добрался. А тут Рогов говорит, ты дома не ночевал. А ты вон как добрался. Под вечер и ободранный. Что мы должны думать?

– Кто мы?

– Мы, коллектив.

– Пусть коллектив за меня не волнуется.

– А Шабрина?

– А ей-то чего волноваться? Москва не джунгли, – произнес Андрей нарочито грубо. Он считал, что так он благородно отводит ненужные темы для сплетен, прежде всего, от Нинки.

– А почему бы ей не думать? Ты же ее провожал. А домой не пришел. Всякий начнет волноваться. А она очень чувствительная, – Полина сделала многозначительную паузу, – Выше крыши напереживалась. Она все очень близко к сердцу принимает. Ты понимаешь? Она ведь после всего, что случилось, общагу за версту обходит. А тут приехала. А если приехала, значит, ей не все равно, как ты добрался. Она очень эмоциональная ... и к тому же прилипчивая, – Андрей усмехнулся этим словам. Полина же взяла со стола листком с номером, – Но теперь я понимаю, в чем дело. Таня, значит. Вот как! Предупреждаю, если ты с Ниной только позабавиться, ты станешь моим личным врагом.

– А я-то при чем? Она ведь тебе сама тебе сказала, что я только проводил ее.

– Видела вчера ваши танцы. А это тогда тут при чем? – она помахала листком с номером.

– Это к делу не относится.

– Нет, милый мой, все относится. Нет у тебя никакого алиби. Дома то ты не ночевал. Тогда где? У Тани вот этой? У меня фотографическая память. Считай, я номер запомнила. Ты уж извини, придется позвонить, выяснить, что да как. Сам понимаешь. Нина – комсомолка. Моя задача не дать ее в обиду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.